

«Вырастут сыновья, скажу им, что есть на свете замечательный человек по фамилии Шукшин. Скажу, чтобы помнили всегда: «Три вещи надо знать о человеке: как родился, как женился, как умер». И еще скажу, что Василий Макарович никогда не придет к последней отметке этого пути. Пока живы люди, будет жить и он». (Иван Найдено, город Кривой Рог).

ЗА ОКОЛИЦУ они вышли вдвоем — мать и сын. Обледенелый, словно обернутый в целлофан, тракт был тихим и пустынным. Ветер с Катуня с присвистом стегал по лицам, цеплялся за пальцы сына, сжимавшие ручки обшарпанного фанерного чемодана.

— А деньги кончатся — отпиши, — сказала мать, всматриваясь в дорогу, — глядишь, чем и подсоблю.

— Ладно, — кивнул он, загоразивая спиной мать от ветра.

Деньги лежали в кармане вельветки, прихваченном большой цыганской булавкой. Ровно столько, чтобы доехать до Москвы.

Они были тяжелыми, те, легкие с виду, шуршавшие в кармане деньги. Такими тяжелыми, что хотелось плакать. От собственного бессилия помочь матери и сестренке. От жизни, что выгнала его, мальчишку, из дома. От той, другой, пугающей своей неизвестностью, что ждала впереди.

Вперед лежала длинная и неясная, как сама жизнь, дорога. И не знал он тогда, что, помогав по свету — по большим и малым городам, по стройкам и заводам, палубам кораблей, — она опять приведет его на родину. Приведет ненадолго. Даст время перевести дыхание, залечить язву, выдержать экстерном экзамены за десятилетку и снова властно позовет в даль. Но теперь ясную и светлую, выстраданную им годами.

Вот он, крученый-верченый, птицей взлетающий, камнем падающий — Чуйский тракт. И тот, крайний домик с одиноким тополем под окном, где они пропались — мать и сын. Сколько раз выпадало ехать трактом, и всегда, если терпело время, я просил шофера остановиться здесь. Поднимался по выгнутой спине, широко протоптанной тропинке, на самую макушку отцветающей августом горы Пикет.

Удивительные, не выдумать, с островка среди равнины открываются дали. Степь в сполохах вызревшей пшеницы. Хребтина гор сквозь бело-голубую поволоку. Излучина реки, поросшая густой бородой тальника. И отбитое изгибом Катуня, утонувшее по крыши в зелень, село у самого подножия.

Много на Алтае таких, как это — красивых и привольных сел. Да не сыскать другого, столь же громкого имени. Село Сростки — родина Шукшина.

Самое крупное, под боком у старинного, богатого завода Бийска, село в районе. На бойком месте подле Чуйского тракта, купеческой когда-то дороги, а нынче шумной автодороги. Еще до революции молодой топограф и начинающий в ту пору писатель Вячеслав Шишков составил карту тракта через тайгу и горы. По ним и строился он в тридцатые годы. Со старых карт на новые перенесли приметную точку села Сростки.

Но откуда и когда оно взялось здесь, у крутой нравом, наперекор морозам в декабре бурлящей Катуня? Многие в истории села проследили настойчивый в исканиях алтайский писатель Василий Федорович Гришаев. Вот найденная в архивах «Ревизская скаска» Томской губернии Бийской волости. Она сообщает, что «в 1804 году во вновь заведенную деревню Сростки переселилось 14 семей из соседнего села Большое Угренево и еще одна из Шубенки. На день переписи в Сростках 81 человек мужска пола».

А среди анкет Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1916—1917 годов Василий Федорович отыскал эту: «Шукшин Павел Павлович, 60 лет. Переселенец из Самарской губернии. Год переселения — 1867. У него сын Леонтий —

35 лет, внук Макар — 4 года».

Макар Леонтьевич Шукшин и был отцом Василия Макаровича. Из той же Самарской губернии вышли родители его матери Марии Сергеевны, в девичестве Поповой.

А как росло село при Советской власти, известно. Сражалось с Колчаком в гражданскую. Дивилось первому трактору в конце двадцатых. Переживало голодные и тревожные тридцатые. Провожало на войну и оплакивало погибших. Пахало, село, перестраивалось заново.

Юрий Пьяных в Сростках вырос. В родстве, считай, полдеревни. И когда назначили его директором совхоза, они, родственники, первыми обсудили выдвижение. Не церемонились, говорили прямо. Одни: «Людей знаешь, землю эту босиком протопал. Чего же еще?» Другие: «Пообтесаться бы тебе. Рано в коренные». Но за дела новый директор принялся круто, и она как будто пош-

трудно отличить фальшь от правды. Шукшин учит этому. Он всегда оставался самим собой. Любил горячо свою маму, своих односельчан, гордился ими, помогал чем мог. Это было правдой для него». (Наташа Макарович, Ленинград).

Он приезжал в Сростки не часто. Не так часто, как ему хотелось. И не скрывал тоски в письмах, что летели в материнский дом отовсюду, где бы он ни был — в Москве ли, за границей, на кидавших по белу свету съемах. И когда вырывал у суматошной, неподвластной ему жизни неделю-другую для Сросток, мать тихонько охала и ахала, глядя на его измученное, выпирающее острыми скулами, землистое лицо. Бежала чуть свет за парным молоком по соседям. Ковдвала над травмами, поставившими его когда-то на ноги от язвы. Стегала ревниво калитку от непрошенных гостей. И уступала, если гурьбой являлись сростинские мужики и, посидев для приличия на крыльце, шептали на ухо: «В Поповский, Макарыч?»

Письмо в Сростки

На предыдущей заочной летучке мы предложили читателям написать «Письмо в Сростки» — своего рода коллективный рассказ о Василии Макаровиче Шукшине, о том, что значит его творчество в жизни каждого. Предложение было принято. Отправляясь в командировку, я положил в дорожную сумку десятки конвертов с одним адресом: «Алтай, Сростки».

ли на лад. Несмотря на дождливое лето, заготовили немало кормов. И свеклу, все нервы вымотавшую, прорвать сумели. И строительство жилья худо-бедно движется. И кирпичный завод потихоньку, да выручает. Вроде бы и грех на жизнь жаловаться Юрию.

Однако и проблем еще хватает. И главная из них такая. Две с половиной сотни сростинцев работают в городе. Чем он привлек их, понять нетрудно: два выходных в неделю — раз, рабочий день «от» и «до» — два, автобус чуть ли не к крыльцу — три, да и зарплата опять же с гарантией. Вот и спешат они каждое утро на заводы. А из Бийска чуть позже катят в Сростки тоже битком набитые автобусы — с шефами. Странная, как видите, получается рокировка. Умелые, знающие крестьянский труд руки переучиваются непривычному ремеслу, а взамен им — другие, толку от которых мало. Но это экономический парадокс село-городского обмена. Есть и другой, больно задевающий совхозных рабочих.

— А скажи, директор, — иногда насаждают они на Пьяных, — кто тебе дороже — мы или те, заводские? Но крыши-то над нами одинаковые — совхозом строенные. И блага прочие тоже равные. Школа, детсад, Дом культуры... Справедливо или нет?

— Что вы, товарищи, — бодрится директор, — одно мы дело делаем.

Дипломат Юрий. Но самому ему не легче от собственного понимания. Что же делать? Ответ вроде ясен: создавать на селе условия не хуже городских. И они создают. В недалеку копейку обходятся хозяйству эти «условия». И благоустройство села, шеволящего асфальтом. И Дом культуры, разбогатевший недавно очередным комплектом музыкальных инструментов. И школа, для которой ничего не жалуют. Примечают молодые... Четырнадцать нынешних выпускников остались в хозяйстве. Но враз село город не догонит. И потому особенно нужны сегодня этой земле люди, болеющие за нее душой, меряющие ценности жизни совестью, а не рублем. Книги Шукшина тоже помогают растить таких людей...

«Когда человек молод, ему

В Поповском саду, густой тополиной роще, отбитой от села косой Катуня, они коротали теплые летние вечера за разговорами, что копилась годами, ждали приезда Макарыча домой.

— Как-то, — рассказывала мне Нина Алексеевна Великова, — прихожу домой — нет мужа. Кричу соседке Рае Байкаловой: «Твой-то дома?» «Нет, — отвечает, — пропастился, окаянный». А тут мальчишки ватагой: «Дядя Вася Шукшин приехал!» Ясно стало. Пошли в Поповский сад — там мужики. Сидят кружком, спорят до белого каления. А Василий рядышком помалкивает.

Подивились мы тогда. Он бы рассказывал — другое дело. Повидал ведь. А то — слушает. И о чем? Кто-то с бригадиром не ладит. Кому-то премию обрубил. Кого-то новой машиной в очереди обошли. Нашим, сростинским, как по резаному — вот и распались. А ему, давно столичному, зачем нужно?

Позже поняли. Когда смотрели фильм «Печки-лавочки». Нужен был тот разговор Шукшину. Многие он у мужиков подслушал да в фильм вставил.

А в чем она, сила творчества Шукшина? В знании жизни, которую сам он прошел не по мошени дорожке. В понимании характеров простых людей, односельчан своих. В видении проблем села, что и сейчас, по прошествии десятка с лишним лет, остаются живучи.

«Я думаю, что еще не время восторженно приветствовать двухэтажное длинное здание, которое стало придать в сибирскую деревню, — писал Василий Макарович. — Надо подождать, когда это здание станет родным, дорогим, когда оно привыкнет к человеку, как привык деревенский дом. Я хочу сказать, что нужно еще время, пока длинное кирпичное здание в деревне, претерпев множество изменений — от первоначального замысла в городском кабинете, — обьенется с деревенским человеком, станет таким же сподручным, понятным, необходимым, как деревенский дом в прошлом».

Квартирный вопрос в Сростках первейший. Невелика своя строительная бригада. Дорого, как ни крути, обхо-

дятся совхозу и шабашники. О том и ведем мы разговор со столярком Борисом Вайцелем, сидя на смолистой, свежеструганной лесине. В Сростки он приехал недавно из-под Новосибирска. «Родичи звали, приехал — понравилось». Строится сам.

— К зиме, однако, созову на «влазины». Да и дом такой будет, каким сам его вижу, чтобы по сердцу пришелся...

Домов, что по сердцу, в Сростках немало. Глазастых окнами, лобастых стенами, в кружевных наличниках, с палисадниками за оградами, они разбросаны по кривым, тесным улочкам на километры. Но есть на окраине села, у порога Пикета, дом, что ближе сердцу каждого. Дом Марии Сергеевны Шукшиной, ставший музеем.

Здесь ему работалось легко, волно, как дышалось предгорным, выстоянным на травах воздухом. Здесь, на Чуйском тракте, он снял свой первый, сделавший его сразу известным, фильм «Живет такой парень». На горе Пикет заканчивал «Печки-лавочки». За старенькой, со сбитым шрифтом, машинке «Москва» ночами выстрадал десятки рассказов.

Директор музея Наталья Пичугина вместе со своим, в три человека коллективом пропалывала клумбы. Поздоровались, разговорились. Наташа приехала в Сростки вслед за мужем, которого распределили сюда на работу. Предложили директорствовать в музее, сомневалась: вроде и неудобно, не своя, не сростинская. Однако ж и сейчас считает, предложение было для нее подарком, о каком и не мечталась, — так близко прикоснулась к Шукшину.

— Что нового, Наташа?

— Все по-старенькому...

За полгода, пока я здесь не был, новых экспонатов в музее не появилось. Лежат они, десятки интереснейших, много бы поведовавших, в запасниках. Значит, по-прежнему ездит Наташа в районный библиотектор и со слезной умоляет продать музею очередную новинку о Шукшине. По-старенькому.

...А какие, если вспомнить, были планы! Объединить в Сростках все документы, что связаны с жизнью Василия Макаровича. Отремонтировать старую школу, где он директорствовал, и сделать домом творчества. Лежит, пылится до сих пор и давний проект о создании в Сростках мемориального комплекса. Вспомнят ли о нем?

Я извлекаю письма, что пришли в «Комсомолку» в ответ на маленькую, в двадцать строк, заметку «Алтай, Сростки», напечатанную в конце прошлого года. Тогда мы предложили читателям написать свой, коллективный рассказ о Василии Макаровиче Шукшине. О том, какой след оставил он своим творчеством.

Мы открываем конверты:

«Шукшина интересовало все. И чужая радость, и чужое горе, и пренебрежительно отгнанная почему-то старина, и «экстравагантная» современность сновов, и всхлипнувшая старушка... Василий Макарович чувствовал скоротечность человеческой жизни и посвящал ей — жизни — всего себя». (Николай Бугаев, Фрунзе).

«Потерять себя легко. Проявил слабинку, и нет тебя уже, прежнего. А вернуться куда труднее. Если бы не «Калина красная» Шукшина, если бы не его Егор Прокудин, я бы никогда не встал на ноги». (Владимир Колюцов, Горький).

«Шукшин говорил прямо: живите, а не прожигайте жизнь в погоне за джинсами, хрусталем, дубленками. Потому что у жизни, понять надо, «дублей» не бывает». (Василий Коротких, Бийск).

Слава Шукшина, так уж выпало судьбой, словно выждал роковой час, обрушилась вслед ему, ушедшему из жизни. Знал ли он, живя, какой силы поток любви ему будет дарован от народа? Если и знал, то не высказывался, хранил в себе, отвечая людям тем же — своей совестливой любовью. Потому и едут по Чуйскому тракту, сворачивают к домику у горы Пикет грузовики, легковушки, автобусы. Потому летят сюда, в сибирское село Сростки, письма-исповеди, письма-признания. И пусть пишется дальше наш читательский рассказ, в котором сама жизнь добавит новые главы.

В. ГОРЛОВ.

с. Сростки, Алтайский край.